

Хуа Хайцзюню всю ночь снились кошмары. В них не было ничего, кроме лиц его дяди и Чу Вэя.

Дядя с мягкой улыбкой смотрел на него и требовал назвать Чу Вэя тетушкой.

Повернув голову, Хайцзюнь и впрямь видел Чу Вэя: тот со смущенным, робким лицом жался к дяде, точно хрупкая птичка. Но самым кошмарным было то, что парень красовался в платье. И ведь сидел наряд как влитой, а сам Чу Вэй выглядел на диво привлекательно!

— Дядя, но ведь Чу Вэй — парень! — изумлялся Хайцзюнь в своем сновидении. — Как он может быть моей тетушкой?

Но в следующую секунду Чу Вэй с яростным воплем выхватывал огромный меч и бросался на него, грозясь изрубить в щепки любого, кто посмеет встать на пути их любви.

Охваченный ужасом, Хайцзюнь бежал без оглядки сквозь беспросветный мрак. Острый клинок уже почти вонзился ему в спину, как вдруг сквозь пелену сна пробился зов Чу Вэя, требующий немедленно встать.

Сонная путаница еще не выветрилась из головы, и Хуа Хайцзюнь чисто машинально забормотал отказы.

Чего он точно не ожидал, так это того, что, разлепив веки, окажется подвешенным за шиворот над балконными перилами.

Спросонья решив, что кошмар продолжается и Чу Вэй действительно вознамерился его прикончить, он испуганно заверещал, пытаясь выторговать пощаду единственным, как ему казалось, надежным словом:

— Тетушка!

Лишь окончательно протрезвев, парень осознал: дурацкий выкрик вряд ли спасет ему жизнь. Скорее уж, наоборот, ускорит кончину.

Чу Вэй, упершись рукой в край кровати, смерил его долгим, испытующим взглядом.

— Кого ты сейчас назвал тетушкой? — тихо спросил он.

Косясь на зеленеющий далеко внизу газон, Хайцзюнь замер, боясь даже вздохнуть.

— Я перепутал! — торопливо затараторил он, моля о пощаде. — Думал, что все еще сплю! Пожалуйста... втащи меня обратно!

И ведь почти не соврал: подобная чертовщина и впрямь могла привидеться разве что в кошмарном сне.

Чу Вэй буравил его взглядом еще пару секунд, а затем легким, почти небрежным движением руки вдернул обратно в комнату.

— Ну что, теперь проснулся?

Хайцзюнь заискивающе уставился на соседа. Парень ведь не выглядел злобным монстром, даже наоборот — чертовски красивый, миловидный. Но от его спокойного вида у Хайцзюня по позвоночнику пробежала ледяная дрожь, заставив мелко затрястись поджилки.

Он закивал как китайский болванчик:

— Встаю! Уже встаю! Сию секунду!

Уже в умывальнике, усердно орудуя зубной щеткой, Хайцзюнь наконец начал мыслить здраво. До этого, трепеща за собственную шкуру, он соображал туго. Но теперь в его голове зашевелились вполне логичные вопросы. Откуда у Чу Вэй столько силищи? Разве способен обычный школьник одной левой удерживать за шиворот взрослого парня над пропастью?

В памяти всплыла вчерашняя драма на крыше. Свидетелями были все: Чу Вэй ласточкой сиганул с четвертого этажа, умудрился поймать падающую Чжао Кэ и при этом не получил ни единой царапины. Обычный смертный после полета с пятнадцатиметровой высоты в лучшем случае превратился бы в инвалида, а этот ходит как ни в чем не бывало, бодрый и невредимый. Это напрочь противоречило всем законам физики.

Чем дольше Хайцзюнь размышлял, тем отчетливее понимал: его сосед — далеко не простой человек. От этих мыслей он даже чистить зубы перестал, замерев с щеткой во рту.

— Ты эти зубы до дыр протереть решил? Живее, скоро утренняя пробежка, — раздался от двери ленивый, слегка хриплый голос.

Хайцзюнь вздрогнул и торопливо зашаркал щеткой.

Если небо не затягивало грозовыми тучами, утро в Первой уездной школе неизменно начиналось с обязательной пробежки. Все живущие в общежитии ребята до завтрака должны были намотать три полных круга по стадиону. Учеба в старших классах выжимала из школьников все соки, здоровье у многих шаталось, и эти утренние забеги администрация ввела исключительно ради поддержания хилой выносливости подопечных. Вот только одолеть три

круга без остановки для большинства оказывалось пыткой.

Уже к концу первого круга Хайцзюнь едва волочил ватные ноги, судорожно хватая ртом воздух.

А вот бежавший бок о бок Чу Вэй даже не вспотел. Его дыхание оставалось ровным и размеренным, будто он не бежал трусцой, а неторопливо прогуливался по тенистой аллее.

Не выдержав, Хайцзюнь повернул к нему взмокшее лицо и сквозь хриплый кашель выдохнул:

— Чу Вэй... Я... я все про тебя понял. Твой секрет... раскрыт.

Чу Вэй одарил его скептическим взглядом и, проигнорировав выпад, прибавил скорость.

Хайцзюнь, преодолевая слабость, рванулся следом, отчаянно глотая воздух:

— Куда ты... так летишь? Можешь не дергаться... Я могила... Ни одной живой душе... не скажу!

Глядя на его забавную, преисполненную таинственности физиономию, Чу Вэй не выдержал и ухмыльнулся:

— И что за великую тайну ты умудрился вывести?

Хайцзюнь воровато огляделся по сторонам, придвинулся к соплеменнику почти вплотную и заговорщически понизил голос до шепота:

— Признайся... Ты ведь этот... пришелец? Инопланетянин?

Чу Вэй потерял дар речи.

Заметив ошарашенное молчание соседа, Хайцзюнь просиял — угадал!

— Точно! Как в тех фантастических фильмах! Силища нечеловеческая, реакция мгновенная...
Иначе как бы ты ту девчонку на лету поймал? Ну колись, из какой ты галактики к нам прилетел?

От одной мысли об этом дух захватывало. Его сосед по комнате — настоящий пришелец со сверхспособностями! В таком свете знакомство дяди с этим загадочным юношей выглядело как завязка грандиозной фантастической саги. Раз уж в уездном городке объявился настоящий гуманоид, то в этом мире возможно абсолютно все.

Он затараторил дальше, заглядывая Чу Вэю в глаза:

— А у вас на родине все такие крутые или ты у них там особенный? Не бойся, я могила, спецслужбам тебя не сдам!

Сам еле дышит, хрипит как загнанный конь, но любопытство так и прет наружу.

Чу Вэй мысленно вздохнул, искренне недоумевая, какими опилками набита черепная коробка этого столичного гостя. Это же надо было додуматься до такого бреда!

А парень все не отставал, преданно заглядывая в глаза преданным, сияющим взглядом щенка.

Чу Вэй решил подыграть чудаку и заговорщически кивнул:

— Ладно, твоя взяла. Раскусил ты меня. Но смотри — это тайна государственной важности.

Хайцзюнь едва не подпрыгнул от восторга — пазл наконец сложился! Ну конечно, кто еще, кроме инопланетянина, способен творить такие чудеса?

Он закивал с предельно серьезным видом и приложил руку к груди:

— Можешь на меня положиться. Унесу эту тайну в могилу.

Чу Вэй важно кивнул:

— Идет.

Затем он резко сменил тему:

— Кстати, раз уж мы делимся секретами... Ты вчера обмолвился, что перевелся в эту глушь исключительно из-за меня. Объяснишься? Мы ведь до этого дня даже знакомы не были.

Чу Вэй с рождения не покидал родную глухомань, выезжая разве что в этот крошечный уездный центр. Круг его знакомств ограничивался парой десятков человек. А этот избалованный мажор примчался из самой Столицы, утверждая, будто проделал такой путь ради безвестного деревенского сироты. Любому дураку понятно, что здесь кроется какой-то подвох.

В голове Хайцзюня взревела сирена тревоги. Строгие напутствия дяди зазвучали в мыслях предостерегающим эхом. К счастью, вчерашнее добровольное заточение в школьной уборной не прошло даром — он успел состряпать вполне сносную легенду.

— Понимаешь... Мне во сне явился некий великий отшельник и велел разыскать тебя, — с таинственным видом выдал он.

Сил бежать у Хайцзюня больше не осталось — он окончательно перешел на шаг, шумно отдуваясь.

Чу Вэй тоже остановился, недоверчиво прищурившись:

— Великий отшельник?

При упоминании загадочного старца в его душе невольно всколыхнулось воспоминание о Шифу. Действительно, кто еще во всем белом свете стал бы так заботиться о его будущем?

Хайцзюнь с заговорщическим видом закивал:

— Ага. Отец у меня жутко суеверный. Он специально ходил к какому-то крутому мастеру фэншуй, и тот предсказал, что ты — мой главный покровитель, посланный судьбой. Мол, если не буду держаться поближе к тебе, вся жизнь наперекосяк пойдет. Вот предводитель нашего семейства и сослал меня в эту глушь.

Чу Вэй молча смерил его взглядом, никак не выдав своих мыслей, и побежал дальше к финишу.

На самом же деле парень поверил ему почти безоговорочно. Он ведь пытался прочесть судьбу Хайцзюня по его лицу, но наткнулся на глухую пелену. А такое бывало лишь в одном случае — если человек был напрямую связан с ним самим.

Скорее всего, Шифу действительно явился этому болвану во сне. Видимо, наставник тревожился за него, не желая оставлять в одиночестве, и сосватал этого добродушного недотепу в друзья. Иначе как объяснить, что столичный пижон, никогда не бывавший в этих краях, с ходу уцепился именно за него?

Ну, раз уж этого товарища сосватал сам Шифу, можно и подружиться. В конце концов, если закрыть глаза на явную придурковатость, повальную лень, отвратительную успеваемость и привычку дрыхнуть до обеда, парень он был неплохой.

Едва они переступили порог класса, Чу Вэй сел за парту и быстро набросал на листке бумаги подробный план.

— Это еще что? — опешил Хайцзюнь, уставившись на исписанный убористым почерком лист.

— Подъем в пять утра, отбой в одиннадцать вечера, — ровным тоном зачитал Чу Вэй. — Посещение всех школьных занятий обязательно. Плюс три часа дополнительных

индивидуальных уроков по вечерам.

Весь листок был испещрен убористыми строчками, где каждый шаг был рассчитан буквально по минутам.

— И... для кого эта пыточная инструкция? — дрожащими пальцами удерживая бумажку, спросил Хайцзюнь.

— Для тебя, — невозмутимо отозвался Чу Вэй. — Ты ведь сам слезно умолял подтянуть тебя по предметам. До выпускных экзаменов остался всего год. С твоей базой сдать хоть что-то — задача почти невыполнимая, так что придется пахать за двоих.

Тот пробный тест по математике, который столичный гость умудрился написать накануне, выглядел сущим издевательством над здравым смыслом. Чу Вэй зажал бы ручку пальцами ног — и то набрал бы больше баллов.

Хайцзюнь-то ляпнул про учебу просто ради прикрытия, чтобы поскорее втереться в доверие, и никак не ожидал, что сосед воспримет его слова с такой фанатичной серьезностью.

Глядя на зловещий список задач, он мысленно прощался с беззаботной юностью.

«Дядя, за что ты меня так подставил?!» — беззвучно вопил он в пустоту.

Чу Вэй слов на ветер не бросал. С того же дня он вплотную занялся образованием своего подопечного. Для изнеженного столичного мажора, никогда в жизни не знавшего трудностей, наступили черные дни беспросветной зубрежки.

После нашумевшей драмы на крыше имя Чу Вэя, и без того не сходившее с уст школьников, прогремело на весь уезд. О храбром старшекласснике, совершившем невозможное ради спасения одноклассницы, судачили на каждом перекрестке. Вместе с тем обыватели начали активно интересоваться и судьбой самой Чжао Кэ.

Сразу после того кошмарного инцидента Учитель Цзи забрала потрясенную Чжао Кэ к себе домой, временно поселив у себя. Дирекция Первой уездной школы, вникнув в тяжелую семейную драму девочки, немедленно освободила ее от любых выплат, а также выделила специальное пособие, позволяющее ей спокойно продолжить учебу.

Пусть в глухой провинции интернет работал со скрипом, столь громкое событие не могло пройти мимо местного телевидения. В школу нагрянула съемочная группа. Правда, пообщаться репортерам удалось лишь с педагогическим составом — и пострадавшая девочка, и ее спаситель категорически отказались светиться перед камерами.

На редакционное задание отправили проверенный тандем. Старшим в группе был Чжан

Цзяньго — прожженный местный репортер, оттрубивший на этом скромном канале добрых десять лет. Компанию ему составляла Ван Лили — бойкая девчушка лет двадцати двух, только вчера получившая диплом и проходящая преддипломную практику.

— Бедная девочка... Она ведь совсем ребенок, несовершеннолетняя! Как у родителей рука поднялась сотворить с ней такое зверство?

Ван Лили до сих пор не могла оправиться от шока после откровений учительницы.

— Эх, наивная ты душа, — вздохнул Чжан Цзяньго, бережно опуская тяжелую камеру на сиденье автомобиля. Он привычно полез в карман за сигаретами, но, покосившись на юную напарницу, убрал зажигалку обратно. — Сразу видно, что ты из столицы провинции и жизни не нюхала. В наших краях подобные дикости — увы, суровые будни.

— Глушь, нищета, да еще и вековой предрассудок: мол, сын — это продолжение рода, а дочь — отрезанный ломоть. Девчонок здесь часто за полноценных людей не считают. И поверь, ее семейка далеко не первая, кто решил поправить дела за счет продажи собственного ребенка.

За десять лет репортерской лямки Цзяньго успел повидать столько грязи, что давно отрастил толстую шкуру.

Лили выросла в благополучном мегаполисе и приехала в эту глухомань исключительно ради галочки в отчете по практике. Дома она была единственной и горячо любимой дочерью, которую родители буквально носили на руках. Порой она позволяла себе покапризничать или прикрикнуть на предков, даже не подозревая, что где-то совсем рядом ее сверстницы влечат столь жалкое и бесправное существование.

Сердце девушки сжалось от острой, почти физической жалости к несчастной сироте.

Она решительно сжала кулаки:

— Нет, я этого так не оставлю. Мы обязаны помочь ей восстановить справедливость!

— И как ты собираешься воевать? — с грустной усмешкой поинтересовался Цзяньго. — Это семейные дела, Лили. Как говорится, даже самый мудрый судья не сует нос в чужую избу.

— Мы обязаны предать эту историю огласке! — горячо возразила она. — Если люди узнают, в каком аду живет Чжао Кэ, общественное мнение свяжет ее семейке руки. Под прицелом телекамер они просто побоятся совать ее в постель к какому-то похотливому старику. Глядишь, неравнодушные граждане и денег на учебу подкинут, помогут девочке встать на ноги.

Цзяньго мысленно вздохнул, сокрушаясь о наивности юной идеалистки. В нищей провинции подобные драмы разыгрывались пачками каждый божий день. Капля в море — разве могла

жалкая статейка переломить вековые устои?

Но, глядя на то, каким чистым, фанатичным пламенем горят ее глаза, он вдруг вспомнил себя самого десять лет назад. Молодого, дерзкого выпускника, мечтавшего нести людям чистую правду и биться за справедливость до последнего вздоха. Время не пощадило те идеалы: благородный порыв давно сменился унылым прозябанием от зарплаты до зарплаты, а острые углы характера обтесала серая рутина. Но сейчас, глядя на эту девчушку, он почувствовал, как в груди снова зашевелился давно забытый, горячий уголек былой страсти.

— Была не была! — хлопнул ладонью по рулю Цзяньго. — Твой старший брат Чжан в деле. Но одних только учительских причитаний для хорошего репортажа маловато, нужны железобетонные факты. Давай-ка наведемся напрямик к ней домой, устроим очную ставку с родителями.

Лили просияла и мигом юркнула на пассажирское сиденье:

— Брат Чжан, вы лучший!

Машина взревела мотором, вырулила от школьных ворот и взяла курс на неблагополучную окраину уезда.

Школьные будни тянулись серой вереницей, но скучать не приходилось. По крайней мере, для молодого барина Хуа жизнь заиграла невиданными доселе красками. Если раньше он заряжал свой навороченный смартфон по два раза на дню, то теперь к вечеру обнаруживал, что заряд батареи почти на максимуме. Причина крылась в банальном отсутствии свободного времени — парень пахал так, что телефон из кармана доставать забывал.

— Вот тебе тридцать новых слов. Вернусь — устрою диктант по памяти. Напишешь без ошибок — получишь разрешение лечь спать, — безапелляционно заявил Чу Вэй, протягивая соседу исписанный блокнот, а сам принялся переодеваться.

Хайцзюнь со стоном потер уставшие глаза, невидящим взором уставился на латинские буквы и в изнеможении откинулся на спинку стула:

— Боги, пристрелите меня кто-нибудь... Это же чистой воды геноцид!

— В изучении языка главное — словарный запас. С твоим нынешним лексиконом тебя даже за границу дворником не возьмут, — хладнокровно отрезал Чу Вэй, зашнуровывая легкие кеды.

Хайцзюнь проследил за его приготовлениями:

— Куда это ты на ночь глядя мылишься? Скоро ведь двери закроют.

Чу Вэй многозначительно усмехнулся:

— Навстречу приключениям. Спасать мир от сил зла.

Глаза Хайцзюня тут же вспыхнули лихорадочным блеском. Однако, пока он хлопал ресницами, Чу Вэй уже растворился в воздухе. Выбежав на балкон, парень успел заметить лишь размытую тень, плавно соскользнувшую по кирпичной кладке вниз. Обычный наблюдатель решил бы, что ему померещилось.

«Мама дорогая, да эти инопланетяне просто космос! Как же мне подфартило с соседом!»

Чу Вэй привычным маршрутом направился к старому парку окраины — своему тайному убежищу.

Место подходило идеально: днем здесь редко встречались прохожие, а глухой ночью глухомань и вовсе вымирала. К тому же просторные безлюдные аллеи отлично годились для духовных практик. В прежние времена, делая комнату с другими ребятами, ему приходилось перед уходом лепить на косяк маскирующий талисман безмолвия, дабы скрыть свое отсутствие.

Теперь же подобные ухищрения стали бессмысленными — ведь в глазах нового жильца он официально числился всемогущим пришельцем из далекой галактики.

Недавний ливень смыл с листьев вековую пыль, оставив после себя свежесть и бодрящую ночную прохладу. Сделав короткую разминку, Чу Вэй подобрал с земли ровную упругую ветку и взмахнул ею, словно боевым клинком.

Владение мечом было первым уроком, который он усвоил на пути самосовершенствования. Покойный... вернее, вечно живой Шифу принадлежал к славной когорте мечников, так что юноша шел по его стопам, постигая Дао через сталь.

По словам наставника, в современном мире концентрация духовной энергии ничтожно мала, а истинных адептов днем с огнем не сыщешь. Обычному человеку для выживания хватило бы и крупниц тайного знания, но при должной дисциплине и упрямстве вполне реально было продвинуться дальше.

Создание же защитных талисманов и плетение чар Чу Вэй осваивал сам, наощупь. Тайные искусства по сути своей родственны. И хотя каждый заклинатель силен в чем-то своем, поняв глубинную суть одного ремесла, можно без труда постичь и другие смежные таинства.

Шифу говаривал, что Чу Вэй поцелован небесами — у него был редчайший природный дар к самосовершенствованию. Не будь нынешняя эпоха столь бедна духовной силой, юноша

воспарил бы к вершинам бессмертия. Впрочем, в лицо Шифу его никогда не хвалил. Суэта и гордыня губительны для разума заклинателя. Лишь тот, кто твердо стоит ногами на земле, способен дойти до конца.

Чу Вэй с малых лет рос терпеливым и выносливым, впитывая каждое наставление Шифу как непреложный закон. Пока соседские мальчишки лепили куличики из грязи, он заучивал наизусть древние трактаты; пока сверстники беззаботно носились по деревенским улицам, он тренировал сосредоточение ума. Жажда знаний въелась в его плоть и кровь. Сверстники в один голос называли его гением, которому все дается без малейших усилий, но лишь сам Чу Вэй знал истинную цену своего триумфа.

Закончив связку, он опустил руку. Но не успел он отбросить ветку в сторону, как та с сухим шелестом рассыпалась в прах, уносимая легким ветерком.

Чу Вэй раздосадованно нахмурился. Снова неудача. В последнее время это повторялось постоянно: стоило закончить упражнение, как любое подручное «оружие» мгновенно приходило в негодность.

— Контроль над внутренней силой — тонкое искусство. Твои движения пока слишком резки, а дух буен. Слабая древесина просто не способна выдержать напор духовной энергии.

Чу Вэй и не заметил, как за его спиной соткался высокий силуэт Хуа Жуна.

Юноша расплылся в улыбке и радостно обернулся:

— Шифу! Давно вы здесь?

Ему не казалось: с каждым разом силуэт наставника становился все отчетливее и плотнее. Теперь сквозь призрачное марево можно было разглядеть даже тончайшие серебряные нити волос у его висков.

Хуа Жун сделал несколько шагов вперед. Его высокая, статная фигура двигалась с величавой грацией. Вчера Чу Вэй уже сподобился лицезреть истинный лик своего Шифу, но сейчас, глядя на него вновь, он опять почувствовал, как перехватывает дыхание от благоговейного трепета. Юноша так и замер на месте, боясь пошевелиться.

Хуа Жун замер в шаге от ученика. Слегка приподняв ладонь, он поймал сорвавшуюся с дерева сухую веточку.

— Не пытайся сковать клинок одной лишь духовной силой. Оружием всегда управляет рука, а не бушующий в жилах поток.

С этими словами высокая фигура, окутанная полами темного одеяния, пришла в движение,

легко скользя по пустой аллее.

Чу Вэй впервые видел Шифу в деле. За полтора десятка лет, проведенных бок о бок, голос наставника намертво впечатался в его сознание, выгравировался на скрижалях души, но воочию увидеть его мастерство юноше еще не доводилось. И теперь, наблюдая за каждым его жестом, Чу Вэй с растерянностью осознал: среди тысяч прочитанных им книг не сыщется ни единого слова, способного описать величие этого мужчины.

Сердце Чу Вэя вдруг пустилось вскачь. В самой глубине души будто натянулась незримая струна, и чья-то легкая рука осторожно тронула ее, заставив издать тихий, вибрирующий звук. Ощущение было непривычным, щекочущим, но столь явным, что отмахнуться от него у юноши не хватило бы сил.

<http://bllate.org/book/19040/1950687>